

***

Сотрудничество

Режиссёр Сюй с нескрываемым удивлением уставился на Кэ Юйцуна. Он и не предполагал, что тот всё ещё здесь.

Справедливости ради, Юйцун играл вполне сносно. Среди всех претендентов на роль Му Юньсяо он до этого момента считался самым заметным. Но «сносно» — это не то, что искал Сюй. Ему не хватало той самой искры, того точного попадания в образ, который мастер вынашивал в своём сердце.

И сколько бы ассистенты ни упоминали инвесторов, Сюй не собирался отдавать Юйцуну роль третьего плана. В крайнем случае он мог предложить ему другого персонажа. Однако сейчас, увидев в глазах актёра непоколебимую уверенность, мужчина на мгновение замялся.

Он привык доверять своему чутью. Нин Чанцин, хоть и был обычным парнем, в той единственной сцене с пушечным мясом выдал именно ту ауру, которой так не хватало остальным. Его соперник же не смог добиться даже этого.

И всё же, если учитель Нин не оправдает ожиданий, а более подходящего кандидата не найдётся, давление спонсоров может стать решающим.

«А вдруг Кэ Юйцуна внезапно озарило?» — подумал Сюй.

Он посмотрел на Нин Чанцина:

— Учитель Нин, что вы скажете? Хотите попробовать?

Чанцин не знал, каким образом в его прошлой жизни этот актёр умудрился перехватить главную роль, но последствия были катастрофическими. Из-за Кэ проект Сюя был уничтожен, а сам именитый режиссёр погряз в долгах и бесследно исчез.

Будь на этом месте кто-то другой, Чанцин, возможно, и не стал бы вмешиваться. Но здесь...

— Хорошо, — коротко кивнул юноша.

[Да не может быть! Откуда вообще взялся этот выскочка? Неужели он правда посмел принять вызов? Наш Кэ-Кэ — профессионал с дипломом, а этот кто такой? Как он смеет соревноваться с

ним? Как у представителя младшего поколения, у него вообще нет скромности?]

[Вот именно! Мы не видели прослушивания Кэ-Кэ, но его скромность — не повод для этого дилетанта задирать нос после пары комплиментов!]

[Обидно за Кэ-Кэ! Его поставили в один ряд с каким-то любителем!]

[Эй, psf-фанатики, вы берега-то не путайте! Это шоу нашего Нин-бао! Припёрлись на чужую территорию и гавкаете. Ваш кумир вообще в курсе, что вы такие цепные псы?]

[Точно! Если бы не трансляция с Нином, вы бы своего Кэ-Кэ вообще не увидели. Вместо благодарности один лай стоит!]

[Есть претензии — валите в свои паблики и нойте там!]

Поклонники Кэ Юйцуна, едва узнав, что их кумир участвует в живом прослушивании, наводнили чат. Им казалось, что Юйцуна принижают, заставляя соревноваться с обычным человеком. Они и не задумывались, что Кэ сам запросился на этот шанс, иначе его бы уже давно вычеркнули.

Сюй облегчённо выдохнул:

— Тогда пусть господин Кэ начнёт, а вы, учитель Нин, пока изучите сценарий и подготовьтесь.

Кэ Юйцун благодарно кивнул, но Нин Чанцин тут же заговорил:

— В этом нет необходимости. Я уже прочитал весь сценарий, пока сидел в комнате отдыха.

Включая, разумеется, и роль Му Юньсяо.

Чанцин не собирался хвастаться, но тратить время на повторное чтение было бы слишком долго. К тому же, если он планировал и дальше появляться на публике, скрывать свою феноменальную память вечно всё равно бы не удалось.

Присутствующие замерли в изумлении. Как можно было успеть проглотить такой объём за столь короткое время?

[Ха-ха-ха! Ой, кажется, кто-то сейчас лопнет от вранья! Прослушивание началось сегодня, сценарии раздали утром — и он утверждает, что уже всё прочитал? Перед камерами не боится сесть в лужу?]

[Опять этот образ «гениального отличника». Полистал папку пару часов и заявляет, что всё знает? Ну да, я тоже могу пролистать книгу и сказать, что прочитал её!]

[Неужели в наше время кто-то всерьез верит, что можно вот так дешево пустить пыль в глаза?]

[Сейчас он ещё скажет, что у него фотографическая память и он запомнил каждое слово!
[собака] [собака]]

Режиссёр Сюй тоже засомневался. Финальную версию сценария закончили только вчера вечером и раздали сегодня утром. Но, глядя в холодные и спокойные глаза юноши, он почему-то почувствовал, что тот не лжёт.

— В шестнадцатой сцене главный герой впервые встречает Му Юньсяо. Какова его первая фраза? — внезапно спросил Сюй.

Чанцин ответил почти мгновенно:

— «Какое оружие ты используешь? Как оно может быть настолько смертоносным?»

В той сцене Му Юньсяо намеренно привлекал внимание будущего императора, используя необычный клинок, чтобы заставить того заметить себя. Так началось его восхождение к положению доверенного лица.

Глаза Сюя азартно блеснули:

— А какой закадровый текст в первой сцене шестьдесят третьего акта?

— «В марте расцветает персик, но его руки по локоть в крови. Он собственноручно убил своего верного слугу. Отныне все, кто желал ему добра, мертвы, а последние крохи чувств в его сердце выжжены дотла», — ровным голосом произнес Нин Чанцин.

Сюй не удержался и задал ещё несколько вопросов. Ответы следовали незамедлительно и с пугающей точностью.

Значит, он действительно не просто пролистал текст. Он его выучил.

[Я в шоке... Это была самая быстрая пощёчина хейтерам в истории!]

[Хейтер: «Он сейчас скажет про память?»]

[Нин-бао: «О, вы правы, я всё запомнил».]

[Хейтер: «Хочет казаться прилежным?»]

[Нин-бао: «А что такое старание? Прочитал один раз — и всё в голове. Зачем стараться?»]

[Ха-ха-ха! Кажется, фанаты кое-кого сейчас захлебнутся желчью!]

[Кэ: «Я начну первым, учителю Нину нужно время на чтение».]

[Нин: «Что? Сценарий? Весь текст уже в моей голове».]

[Ха-ха! Жду не дождусь этой битвы. Что-то мне подсказывает, что Юйцуна сейчас размажут по стенке.]

Лицо Кэ Юйцуна побледнело, но под прицелом камер он старался сохранять маску достоинства. Его агент, стоящий за спиной, был в предынфарктном состоянии — он кожей чувствовал приближающийся провал.

Сюй велел всем разойтись. Раз подготовка не нужна, прослушивание началось немедленно.

Чанцин и остальные участники заняли места за спинами судей. Объектив сфокусировался на Кэ Юйцуне.

Агент попытался попросить отключить трансляцию, но Сюй, предчувствуя конфликт с инвесторами, отказал. Если он выберет новичка, команда Юйцуна наверняка начнёт строчить гневные посты о «закулисных играх» и подговорит фанатов травить Чанцина. Прямой эфир был лучшей страховкой.

Агент отступил в сторону. Нехорошее предчувствие внутри него нарастало.

Сюй окинул Кэ Юйцуна беспристрастным взглядом.

— Вы оба сыграете одну и ту же сцену, — спокойно произнёс он. — Первый акт безумия Му Юньсяо: осквернение праха врага.

Именно в этом фрагменте раскрывалась суть персонажа. Юйцун облегчённо вздохнул — он уже прогонял эту сцену сегодня.

Линь Шицзэ, стоящий позади режиссёра, нахмурился. Он тоже пробовался на этом отрывке. Очевидно, Сюй использовал этот эпизод как универсальное мерило. Но Кэ уже пробовал её один раз, а учитель Нин — нет. Это было несправедливо.

Впрочем, Кэ Юйцун считал иначе. Он — популярный актёр, недавно получивший премию за лучшую роль второго плана. Он не может проиграть дилетанту.

Юйцун замер. На нём был потрёпанный доспех. Он смотрел на руины своего дома — пепелище, заросшее бурьяном.

Его рука легла на эфес. Он повернулся к заброшенным могилам родных. Затем — вспышка ярости, сцена убийства врагов, руки в крови... И, наконец, кульминация: он у могилы главного обидчика. Он разрывает землю голыми руками, вытаскивает остатки скелета и начинает безумно крушить кости своим мечом, развеивая прах по ветру.

В конце Кэ Юйцун издал надрывный крик, рухнул на колени и принялся яростно кромсать муляж кости, заходясь в рыданиях. Его лицо было искажено гримасой невыносимой скорби.

[О боже, Кэ-Кэ такой молодец! Бедняга, как же его жалко... Трагическая судьба! Вернулся домой героем, а нашел только могилы, и даже врагу не отомстить, потому что тот уже сдох... Кэ-Кэ передал всю эту боль и ненависть! Он лучший!]

[Кэ-Кэ — единственный кандидат на роль Му Юньсяо!]

[Кэ-Кэ! Кэ-Кэ!]

[Фанатики, уймись! Дайте другим выступить, забили весь чат своим спамом!]

[А что такого? Вы не можете отрицать, что он сыграл блестяще! Эти эмоции, эти слёзы! Кэ-Кэ — признанный мастер, как этот выскочка может с ним сравниться?]

Многие прикусили языки. Как ни крути, Юйцун действительно был неплох. Это была качественная, профессиональная игра.

И всё же... чего-то не хватало. В этом Му Юньсяо чувствовалась драма, но не пугающее безумие.

Кэ закончил и выдохнул. В этот раз он был увереннее, эмоции были сильнее, а слёзы — искреннее. Он вытер глаза и посмотрел на Сюя, надеясь увидеть одобрение. Но режиссёр лишь задумчиво хмурился.

— Режиссёр Сюй? — с надеждой позвал актёр.

— Стабильнее, чем в прошлый раз, — сухо обронил Сюй.

Но направление было в корне неверным. Юйцун так и не понял этого персонажа. Режиссёр искал не просто истерику, а то самое ощущение, которое никто из сегодняшних претендентов не смог уловить.

Кэ не заметил разочарования в голосе мастера. Стоило ему обрадоваться, как Сюй отложил ручку:

— Следующий.

Юйцуну пришлось отойти. Проходя мимо Нин Чанцина, он не удержался и взглянул на юношу. Лицо того было безупречным.

Кэ опустил глаза, пряча вспыхнувшую зависть.

«Если бы у меня было такое лицо, к чему бы мне пришлось столько лет пробиваться в индустрии?»

Этот парень был слишком опасным соперником.

Нин Чанцин вышел вперед. Сюй боролся с собой. После той сцены с эпизодическим героем он ждал чуда, но теперь, глядя на профессиональную работу Кэ, он остыл. Может, он слишком многого хочет от новичка? Надежда сменилась страхом разочарования.

— Начинай. Та же сцена, — вздохнул Сюй.

Чанцин кивнул. Его лицо оставалось бесстрастным. На нём был тот же поношенный доспех, что и на Линь Шицзэ, но вместо пластиковой бутафории он попросил принести настоящий железный меч.

Он держал его так легко, что никто и не заподозрил: клинок весит добрых восемь килограммов.

[Этот парень вообще умеет проявлять эмоции? Каменное лицо всё время!]

[Вы издеваетесь? Фанаты Кэ только что проснулись? Если в нашем Нине нет таланта, то ваш кумир — просто бревно!]

[Да где вы тут видите игру?]

Пока в чате кипели страсти, Нин Чанцин вошёл в образ. Он поднял глаза, и в это мгновение поток комментариев начал иссякать.

Люди не могли описать то, что увидели. Секунду назад перед ними был холодный юноша, но стоило ему взглянуть на воображаемый дом, как в его глазах вспыхнула такая неистовая, почти детская радость, что она, казалось, заполнила собой всё пространство.

Это предвкушение встречи с родными было настолько ярким, что преобразило его лицо. Его мимика создавала иллюзию целого мира. Пустая студия исчезла — зрители видели офицера, возвращающегося с войны к порогу родного дома.

Но стоило ему подойти к воображаемым воротам, как его шаг замедлился. Радость в глазах начала гаснуть, сменяясь непониманием и тихим ужасом.

Перед ним были не те ворота, которые он покидал. Разрушенная изгородь, выбитые двери, рухнувшая крыша... Запустение и тлен.

Свет в его глазах гас медленно. По мере того как невидимый рассказчик повествовал о гибели его семьи, лицо юноши каменело. Те самые близкие, ради защиты которых он рисковал жизнью, были мертвы.

А враги... Враги процветали и были похоронены с почестями.

Юноша медленно потащил за собой тяжелый меч. Лезвие скрежетало по камням. Теперь этот клинок должен был отвесть крови предателей.

Когда он «убивал» своих врагов, в его глазах не было триумфа. Лишь пугающая пустота. Кровь на его лице, отблески пожара в зрачках — он казался мертвым внутри.

И вот он, весь в крови, стоит у могилы врага. Холодный, отрешенный взгляд на надгробие. От того сияющего воина не осталось и следа.

Он издал тихий смешок — звук, больше похожий на хриплый вой ветра.

Внезапно он начал копать. Сначала медленно, потом всё неистовее, разрывая землю. И вот — гроб. Он с силой откинул крышку, глядя на истлевшие кости.

Юноша стоял, низко опустив голову. Волосы скрывали его глаза, и только едва заметная дрожь в плечах выдавала его состояние. В свете закатных лучей, среди падающих за его спиной листьев, он сам казался частью этого кладбища, окутанным ароматом разложения.

Его дыхание становилось всё тяжелее, но в мертвенных глазах вдруг снова загорелся свет.

Но это был другой свет. Взгляд одинокого волка. Он слегка склонил голову набок, и в тишине прозвучал отчетливый хруст шейных позвонков — звук, пугающе похожий на скрежет сухих

костей.

Он схватил останки врага. Его рука сжала тяжелый эфес. Удар. Глухой, мощный звук. Осколки «костей» разлетелись в стороны.

Зрители вздрогнули как один. Они забыли, как дышать, не в силах отвести глаз.

Перед ними был юноша со спутанными черными волосами. Мрачный, зловещий силуэт. Его рука поднималась и опускалась с механической точностью, превращая кости в пыль. Ритмичные удары отдавались в сердцах людей ледяным страхом.

Наконец, когда кости превратились в прах, он замер. На его неподвижном лице проступила тень улыбки.

Он медленно поднял голову. Черные пряди лишь наполовину открывали его взгляд — тяжелый, хищный. Он смотрел прямо в объектив. Снова хруст шеи. Тень безумного оскала скользнула по губам — так быстро, что это казалось галлюцинацией.

Но этот взгляд врезался в память каждого. Холод, расплзающийся по телу, заставил многих поежиться.

Нин Чанцин закончил и, как ни в чем не бывало, отбросил волосы со лба. Казалось, это не он только что заставил миллионы людей дрожать от ужаса.

[А-А-А-А! Чёрт, я от страха планшет выронил! Экран вдребезги!]

[Всё, кошмары на всю неделю мне обеспечены!]

[Нин-бао, мы просили сыграть сумасшедшего, а не становиться им! Это было слишком реально!]

[Боже, этот звук удара... Я чуть не подпрыгнул! Как натурально! Кажется, я видел, как в кадре что-то реально разлетелось в пыль!]

[Вы что, не заметили?! Меч-то настоящий! Посмотрите на пол — там от муляжа кости вообще ничего не осталось, в муку стер! Боже, какая сила! У меня у самого кости заныли!]

[Всё, я в ауте... Пойду спрошу фанатов Кэ, как им такой перформанс?]

[После Юйцуна я думал — хорошо. После Нина я понял: это и есть Му Юньсяо. И как мне теперь его ненавидеть, когда у него такое лицо?!]

Режиссёр Сюй всё ещё не мог прийти в себя. Он был слишком потрясен.

Он так долго искал и уже отчаялся, готовясь к долгим кастингам. И вот он увидел Его.

Этот юноша не просто сыграл эмоции — он показал эволюцию души. Тот момент, когда тяжелый меч, символ его славы, сокрушает прах врага, был гениальным. С каждым ударом превращались в пыль его честь и милосердие.

Это было начало его падения, момент, когда смерть семьи вытравила из него всё человеческое.

Кэ Юйцун стоял как громом пораженный. Он даже забыл, что идёт прямой эфир. Шок и зависть были настолько сильны, что он просто оцепенел.

Он понимал: это разгром. Его, профессионала, всухую сделал какой-то новичок.

Агент, заметив состояние подопечного, понял: дело дрянь. Видя, как Кэ делает шаг вперед, он мертвой хваткой вцепился в его локоть. Ситуация ещё не была безнадежной. Пока Юйцун молчит — он просто проиграл роль. Стоит ему сорваться под камерами — и его карьере конец.

Рывок агента привел Кэ в чувство, но сцепленные до белизны пальцы выдавали его ярость.

Си Цинхао, стоявший неподалеку, чувствовал то же самое. Но сейчас камеры были направлены на Нин Чанцина и Сюя, и его никто не замечал.

Сюй был готов броситься к Чанцину и умолять его согласиться на роль. Но, вспомнив про эфир, он сдержанно кашлянул:

— Неплохо. Очень неплохо, учитель Нин. На сегодня закончим, наша команда свяжется с вами позже.

Но даже слепому было ясно, кто здесь победитель. Победа была абсолютной.

Судьи поставили Нин Чанцину высший балл — 100. В зачете проекта это была чистая десятка.

Нин Чанцин стал безоговорочным победителем этого этапа «Звука и образа». Сезон завершился триумфально.

Зрители не хотели расходиться. Осознание того, что шоу кончилось, а у Чанцина даже нет аккаунта в Weibo, приводило их в отчаяние.

Едва трансляция прервалась, события дня взлетели в топ.

[#Финал_Звука_и_образа]

[#Идеальное_завершение_сезона]

[#Нин_Чанцин_актерская_игра_разгром_Кэ_Юйцуна]

[#Кто_станет_Му_Юньсяо]

[#Режиссер_Сюй_Гробница_императора_смутных_времен]

Случайные пользователи, не знаящие Чанцина, видя теги об «актерском разгроме», поначалу лишь усмехались. Кто этот выскочка? Юйцун — признанный талант. Какой ещё разгром?

Но стоило им из любопытства кликнуть на видео... и они пропадали. Короткие нарезки эфира заставляли людей пересматривать их десятки раз.

[Я зашел сюда, чтобы посмеяться над наглым пиаром, но очнулся через час. Куда делось время?]

[Дайте мне его адрес! Я хочу видеть этого парня каждый день!]

[Те, кто хвалит его игру — вы его лицо-то видели? Да, это тот самый парень с божественной внешностью из аэропорта! Вот как он выглядит в жизни. (фото) (фото)]

Сравнение двух снимков — безумного Му Юньсяо и ослепительно прекрасного юноши — произвело эффект разорвавшейся бомбы. Популярность Чанцина взлетела до небес. Десятки агентств тут же начали охоту, но не смогли найти никаких зацепок.

После съемок режиссёр Сюй попросил Нин Чанцина задержаться — он хотел обсудить контракт. Чанцин не сказал «да», но и не отказал, пообещав подумать несколько дней. Сюй согласился и обменялся с ним контактами.

Режиссёр «Звука и образа» тоже пытался уговорить Нина на следующий сезон, но получил вежливый отказ. Он хотел было продолжить уговоры, но, вспомнив свои прежние ошибки, лишь тяжело вздохнул.

Нин Чанцин вернулся в отель.

Линь Шицзэ срочно вызвали в компанию. Цзи Юйцзин и Сун Тин остались улаживать дела с контрактами. Си Цинхао исчез сразу после записи. Только Дуань Хао тенью следовал за Чанцином до самой гостиницы.

Нин Чанцин игнорировал его, пока они не дошли до дверей номера. Там он остановился и холодно посмотрел на бывшего.

— Чанцин, — шагнул вперед Дуань Хао. — Я правда хочу всё вернуть. Прости меня, в этот раз я буду принадлежать только тебе.

Вместо ответа Чанцин поднял телефон. На экране светились три набранные цифры.

— Как думаешь, если я сейчас нажму вызов, мы попадем в тренды? И как сильно рухнут акции корпорации Дуань из-за скандала со вторым молодым господином?

Дуань Хао перекосило. Он понял, что тот не шутит.

— Ты правда меня не простишь?

— Перестань мне досаждать, и я забуду о твоем существовании, — отрезал Чанцин. — Иначе...

Он не договорил, но Дуань Хао прекрасно понял намек.

Нин Чанцин собрал вещи и переехал в другой отель, поближе к дому Линь Хэна. Он планировал остаться в городе С до начала учебного года. Этим же вечером его ждали в особняке Линь.

Линь Хэн приехал за ним лично. Когда Чанцин сел в машину, тот протянул ему небольшую коробочку.

— Что это? — приподнял бровь юноша.

— Подарок в честь успешного окончания съемок.

Чанцин не ожидал подарков, но быстро сообразил: скорее всего, это завуалированная благодарность за спасение Цзян Чао. Чтобы он не отказался, Линь Хэн назвал это «подарком в честь победы».

Внутри оказались изысканные мужские запонки. Линь Хэн впервые сам выбирал подарок и очень переживал. Видя, что юноша принял подношение спокойно, он облегченно выдохнул.

Подарком Чанцин остался доволен. Он расспросил о состоянии Цзян Чао. Линь Хэн ответил, что кузен идет на поправку и уже начал реабилитацию.

В доме Линь их ждал теплый прием. Старейшина Линь преобразился — от того строгого

старика не осталось и следа. Он искренне полюбил этого юношу.

Цзян Чао пока не мог есть обычную пищу, поэтому ужин прошел в узком кругу. После трапезы Чанцин поднялся в комнату больного. Тот полулежал в постели с книгой. При виде гостя Цзян Чао мягко улыбнулся:

— Прошу вас, присаживайтесь.

Он всё еще был слаб, поэтому их беседа проходила в спальне. Цзян Чао с самого начала был благодарен спасителю, но, изучив за эти дни новости о нём, проникся к юноше уважением. После просмотра сегодняшнего эфира в его глазах светилось восхищение.

— Я видел вашу работу, — признался Чао. — Прослушивание было великолепным.

Хотя три года назад его называли самым молодым киноимператором, он понимал: ту финальную сцену он вряд ли смог бы сыграть лучше.

Разговор о кино затянулся больше чем на час. Под конец Нин Чанцин назвал цену мази для лечения шрамов. Средство было недешевым. Мазь для тела на месяц стоила два миллиона. Но состав для глубокого рубца на шее требовал трехмесячного курса и обходился в шесть миллионов.

Цзян Чао планировал заплатить сверху в качестве благодарности. Но Нин Чанцин взял ровно десять миллионов. Не потратить он почти всё состояние на покупку четырех корней дикого женьшеня, он ограничился бы стоимостью компонентов — восемью миллионами. Но ему предстояло начать лечение Линь Хэна, что требовало новых затрат. Он не собирался брать денег с Линь Хэна, поэтому не стал отказываться от гонорара Цзян Чао.

Проговорив с Чао около двух часов, Чанцин спустился вниз. В гостиной старейшина Линь делал вид, что увлечен оперой, а сам то и дело косился на младшего сына.

— Кхм... Посмотри на Чао-Чао. Вы ведь почти ровесники, а он такой бойкий на язык. Тебе бы поучиться у него.

С таким характером сына старик, чего доброго, до свадьбы не доживет.

Линь Хэн закрыл книгу:

— Я буду у себя в кабинете.

— Опять обижаешься на правду? — подтолкнул кресло старик. — Сейчас учитель Нин спустится обсуждать твоё лечение. Хочешь заставить его ждать?

Линь Хэн замер и сел обратно. Старейшина Линь довольно хмыкнул:

— Ты отдал подарок? Не забыл?

— Отдал, — коротко бросил сын.

Отец хотел было еще что-то спросить, но тут появился Нин Чанцин. Линь Хэн тут же поднялся и взял свой пиджак:

— Я провожу тебя.

Чанцин решил, что в дороге как раз удобно будет обсудить детали. Попрощавшись со старейшиной, они вышли.

Линь Хэн сам сел за руль. По дороге Чанцин изложил план:

— С завтрашнего вечера мы начнем курс лечебных ванн. Первые три дня я буду подбирать оптимальную концентрацию трав и следить за реакцией. После этого ты сможешь продолжать процедуры самостоятельно в течение двух недель. У тебя нет возражений по времени?

— Лечебные ванны? — Линь Хэн на мгновение замер. Он явно не ожидал такого метода.

Чанцин кивнул:

— Твой случай особенный. Начинать нужно с максимально мягкого воздействия.

Разумеется, компоненты были продуктами Системы. Но первые три дня ему нужно было лично контролировать процесс. Линь Хэну было немного не по себе. С самого детства он привык принимать ванну в одиночестве, и мысль о том, что кто-то будет наблюдать, вызвала странное чувство. Но он не стал возражать.

Вернувшись в отель, Чанцин перевел Системе восемь миллионов, заказав мазь. После душа он обнаружил на счету тридцать миллионов — аванс от аукционного дома. Хотя три корня дикого женьшеня еще ждали торгов, один уже выкупил старейшина Тянь.

Нин Чанцин лег спать. Следующим утром, ровно в девять, он получил полное тревоги сообщение от Ин Цзиньяна. Тот наотрез отказался звать Нина в офис.

[@Ин Цзиньян: Учитель Нин, дела в компании сейчас совсем плохи, долги огромные. Если вы не против, давайте встретимся в каком-нибудь тихом ресторане?]

Чанцин согласился. В прошлой жизни Ин Цзиньян и его семья погибли. Раз уж он решил помочь, такие мелочи его не смущали.

Ин Цзиньян не находил себе места. Он боялся, что загадочный юноша просто пошутил. У него не было выбора: тридцатимиллионная дыра в бюджете была фатальной. Он цеплялся за это предложение как за последнюю соломинку.

Он не спал всю ночь и отправил сообщение ровно в девять. Когда пришел ответ, Ин долго сидел, глядя в экран. Жена с тревогой спросила:

— Ну как? Что он ответил?

Цзиньян с покрасневшими глазами обнял супругу:

— Учитель Нин согласился на встречу! Я иду к нему. Прости, что заставил тебя страдать.

Жена погладила его по спине:

— Всё наладится. Главное, что мы все вместе.

— Да... главное, что мы вместе, — Цзиньян вытер глаза, надел свой лучший костюм и вышел из их нового скромного жилища.

Когда Чанцин пришел, Ин Цзиньян уже ждал его, нервно сжимая портфель. При виде гостя он тут же вскочил:

— Учитель... Учитель Нин!

Чанцин закрыл дверь и протянул руку:

— Господин Ин.

Тот поспешно вытер ладони и осторожно пожал руку юноши:

— Простите... я очень нервничаю.

Нин Чанцин ободряюще улыбнулся:

— Не стоит. Присаживайтесь.

Когда они сели, Чанцин не стал ходить вокруг да около и сразу положил на стол банковскую карту:

— Здесь тридцать миллионов, как я и обещал.

Ин Цзиньян смотрел на карту, и его глаза наполнились слезами. В последние недели все партнеры отвернулись от него — кто-то из страха перед Ци Ци, кто-то просто решил поживиться. Если бы не эта встреча, он бы наверняка угодил в ловушку.

— Спасибо... — прошептал он. — Если бы не вы...

— Не стоит благодарности, — прервал его Нин Чанцин. — Я деловой человек. Я инвестирую в вашу компанию в обмен на долю. Это просто сотрудничество.

Цзиньян покачал головой:

— Нет, вы спасли меня. Сейчас моя компания — это пустая оболочка. Она не стоит и десяти миллионов. Отныне она принадлежит вам.

Чанцин покачал головой:

— Я возьму только тридцать процентов.

Он изучил бумаги: Ин Цзиньян создал бизнес с нуля и владел почти всем пакетом акций, так что тридцать процентов не лишали его контроля.

— Это слишком мало! — возразил Ин Цзиньян. — У меня сейчас девяносто процентов акций. Я оставлю себе тридцать, а шестьдесят отдам вам!

Если бы не эти деньги, он бы потерял всё. Зачем ему столько акций в мертвом бизнесе?

<http://bllate.org/book/15353/1422922>